

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

26 ноября 2012

Макс Неттлау

Анархизм и большевизм

**Социализм, каким он
должен быть, и социализм,
каким он быть не должен**

Макс Неттлау

Анархизм и большевизм

Социализм, каким он должен быть, и социализм, каким он быть не должен

1930

Опубликовано в сборнике «Очерки по
истории анархических идей», Детройт, 1951
Сохранено 25 ноября 2012 года из flibusta.net

1930

его нынешних, все растущих размеров. А рядом со всем этим мы видим жалкие решения, предлагаемые большевизмом и авторитарными социалистами других стран, — решения, совершенно не носящие социалистического характера.

Таким образом, предстоит работа для либертариев в том направлении, какое я пытался здесь наметить. Такая работа будет для нас самих предметом изучения и интеллектуального усилия, а также средством для идейного общения с другими. Ибо человечество всегда шире, всегда таит в себе более разнообразные и иногда скрытые силы, чем того могут ожидать сторонники даже самого лучшего дела.

Большевизм лежит позади нас, анархизм же впереди нас, и прогресс, эволюция направляются в его сторону.

Настоящей интеллектуальной катастрофой и моральной трагедией является то обстоятельство, что, после целого столетия углубленного исследования процесса эволюции и направления человеческого прогресса, первые же возможности социалистических движений в крупном масштабе, созданные крушением царизма в 1917 году, были загублены. Они были принесены в жертву на алтаре всего, что стремится назад, упрочивая власть, воздвигая стены и плотины против эволюции и принося человечество еще раз в жертву молоху единой догмы и касте первосвященников, присягнувших этой догме. Это было сделано большевистской узурпацией и монополией в ноябре 1917 года.

Узурпация и монополия с тех пор все росли, фатально укрепляясь и обособляясь в той степени, в какой они пытались стать на пути эволюции и добиваться только своего собственного увековечения. Чтобы совершить это в нынешнем веке, узурпация вынуждена внешним образом подражать формам прогресса, техническим усовершенствованиям и социальному устройству, но это уже не признание прогресса, как монархия или церковь не становятся просвещенными и прогрессивными, когда дворцы и церкви освещаются электричеством или декорируются современными художниками. Все морально гибнет под рукою реакции, которая захватывает целиком душу и тело человека в свою власть и формирует их по своему усмотрению. Именно это, судя по всему, что я знаю, проделывают с русским народом с конца 1917 года, как это делают и с итальянским народом с 1922 года и с другими народами в других формах с тех же пор.

Это пластическое переделывание мысли и природы народов догматическими деспотами является преступлением против духа человечности. Человечество, со второй половины XVIII века, переросло эту стадию, — оно боролось и бунтовало про-

тив нее, будило разум, все более возмущалось и проявляло свой гнев повсеместными революционными вспышками, выражало свое возмущение в мысли и в науке, во всех формах либерализма и социализма на протяжении столетия. Человечество не желает идти назад в интеллектуальную и моральную опустошенность и грубость средневековья.

Все это необходимо объяснить исторически, как примитивное несовершенство первых коллективных практических шагов к социализму, сделанных при самых неблагоприятных условиях, после целых годов раздражающей, огрубляющей и мучительной войны. Мы должны допустить, что в 1917 и 1918 годах ни меньшевики, ни социалисты-революционеры, ни синдикалисты и ни одно из направлений анархической мысли не отличались особо высокими качествами, ни в своих практических достижениях, ни в своей моральной способности приносить партийные интересы в жертву общему делу.

Допустим все это в интересах дальнейшего обсуждения вопроса. Чем больше было необходимости в дружественном сотрудничестве всех прогрессивных сил, тем более индивидуальная догма, самоутверждение, заинтересованность и партийная гордость, или тщеславие должны были отходить в сторону. На самом деле сделано было как раз обратное и то же самое продолжает делаться и теперь. В результате получается застой и разложение, которые в настоящее время лишают человечество сотрудничества целых народов, больших и малых, заключенных в тюрьмы и содержащихся за решетками или за колючей проволокой границ большевистских, фашистских и национал-диктаторских государств. Другие народы содержатся в настоящих домах смерти, под гнетом финансового разорения и обнищания, духовного и телесного голода и отчаянья. Лишь очень немногие народы ведут относительно нормальную

времен великого возбуждения, когда все происходящее требует от анархистов открыто развернуть свои принципы. Они же поступают как раз наоборот, как бы стыдясь себя самих, и жаждут создать вновь некий анархический большевизм.

Лучше бы им просто присоединиться к большевизму, раз их сердце на его стороне.

Эти тяжкие времена требуют лучше направленных либертарных усилий. Капитализм слишком доверчиво относился к государству, к своему пособнику в борьбе против «внутреннего врага» — рабочих. Оно заботится о новых рынках путем искусной внешней политики и завоеваний. Но в самое недавнее время, когда силы государства были спущены с цепи, в 1914 г., они вызвали такую мировую катастрофу, что и 17 лет спустя «военные» страсти свирепствуют хуже, чем когда бы то ни было. Вы можете назвать это финансовой, или торговой, или таможенной войной, или войной за золотую валюту или долги, но как бы их ни называть, в результате каждый человек теперь является жертвою банкротства и крушения государственной власти и капитала. Вся мировая сеть внутренних отношений находится в тисках кризиса. Конечно, голоса либералов, радикалов и либертариюв зазвучат теперь громче. Момент для едкой критики государственного начала и для обсуждения путей к свободной и солидарной социальной перестройке теперь наступил.

Здесь мы чувствуем, что целый мир отделяет нас от ложных большевистских решений. Мы чувствуем также, что восстающие массы повсюду с осуждением смотрят на государство и почти отделались уже от государственных и капиталистических предрассудков, ибо государство и капитализм оказались настолько неспособными, отсталыми, глупыми и жестокими, что не задумываясь дали возможность кризису раздуться до

Там, где синдикализм вполне сознателен, он остается совершенно обособленным. Анархисты должны научиться умению не давать себя увлекать исключительно в одном направлении: при каждом удобном случае помощи, оказанной ими синдикализму, они должны помнить о более высоком долге перед анархизмом, и ничто не мешает им всегда быть полезным обоим.

Должен ли я подвергнуть здесь обсуждению еще некую другую обескураживающую особенность нынешнего времени? Было время, много лет тому назад, когда некоторые товарищи, воодушевленные самыми прекрасными намерениями, пытались, как это делается в цирке, ехать одновременно на двух лошадях, поставив одну ногу на седло одной лошади, а другую на седло другой. Я имею здесь в виду анархо-большевиков. Мне кажется, что все они были, рано или поздно, сброшены со своих лошадей, ибо их лошади скакали в совершенно разных направлениях. С тех пор некоторые из них опять почувствовали себя анархистами, а другие были поглощены большевизмом. Влияние всех этих «великих дел», совершающихся вокруг них, попытки быть полезными в разных направлениях объясняют эти ошибки мысли. Но в течение нескольких лет после появления платформы 1926 года, насколько мне известно, нетерпение, оторванность и, прежде всего, зрелище внешне могущественного большевизма, правящего массами, толкнули некоторых на мысль постепенно вводить авторитарные черты в сам анархизм. Такие действия свидетельствуют только об отсутствии веры, о трусости и о подражательных привычках, допускающих проникновение в анархизм совершенно противоположных идеологий и настроений. Они подрывают анархизм повсюду, где он есть – в русской, французской, а иногда и в испанской среде. Это, в сущности, маленькие умы для нынешних

жизнь, но и они потрясены поразительным ростом кризиса в течение 1931 года, и им также не под силу нести тяжесть современной цивилизованной жизни, чрезвычайно сложного организма, зависящего от сотрудничества очень значительного числа сил, из которых многие теперь парализованы, дезорганизованы или даже и вовсе уничтожены. Столько подпорок вынули или пытаются вынуть, что крушение, которое может при таких условиях наступить, не только повторит, но усилит и ухудшит те неблагоприятные условия, которые в 1917 году оставили так мало шансов на благоприятный исход Великой Русской Революции.

Есть люди, которые уверяют, что защита большевистской революции требовала и до сих пор еще требует безусловного подавления всего, что не есть большевистские мысль, действие или, по крайней мере, слепое подчинение им. И есть много сочувствующих, которые этому верят, и тем больше верят, чем дольше они живут. Все это только временно, говорят нам эти люди, и указывают на то, что несколько поколений тому назад Маркс, а позднее также и Ленин признавали безгосударственное управление, свободное общество, анархию, как последнюю и окончательную стадию развития — совершенно так же, как самый богатый капиталист-христианин всегда готов признать, что после чистилища люди войдут в Царствие Небесное, где не будет ни богатых, ни бедных, а все будут равны, свободны и счастливы. А пока что, «временная» стадия должна быть продлена всеми способами, — а мы знаем, что означает «всеми способами», мы знаем также особую жизнеспособность общественного устройства, именуемого «временным» или «переходным». Так как такие промежуточные формы весьма несовершенны, стеснительны, невыносимы, то их поддерживают силой, путем все более растущего принуждения, со все большими расхода-

ми, и все это противоестественное, искусственное положение вещей становится еще более невыносимым и требует еще более искусственных подпорок, путем силы и крупных издержек и т.д. — от плохого к худшему до тех пор, пока перегретый паровой котел не разрывается. Тогда происходит разрушительное крушение. Все это присуще так называемым «временным мерам», полумерам, которые по самой природе своей не могут быть вполне действительны и, следовательно, должны вести к кризису. Они не могут вести к здоровой и прогрессивной эволюции, ибо отрицательные усилия может вести механически и неизбежно только к отрицательному эффекту, и весь организм не может жить надлежащим образом при длительном отсутствии поддержки.

Таким образом, большевизм, совершенно независимо от его внутренних качеств, обанкротился в качестве двигателя прогресса, и потерпит банкротство и как живая система, хотя его все еще поддерживает тот естественный закон, который делает невозможным для маленькой силы, для воли догматического меньшинства, контроль и управление жизнью гораздо большей силы — всего русского народа.

Наихудшие правительства ухитрялись, правда, существовать путем репрессий, лести, внешних войн и т. д., прогрессивные силы всегда стремились к свержению таких правительств и очень часто в этом преуспевали, — и большевизм поставил себя как раз в такое же положение: напрягая каждый нерв, он ухитряется существовать, но в один прекрасный день он дрогнет и падет.

Будущее социализма не зависит от судьбы этой первой попытки, которая таким очевидным образом потерпела неудачу. Будущий великий художник пишет иногда, в детстве своем, неумелые наброски, но уже в этих первых набросках его можно

Брианов, Макдональдов, Пилсудских, управляющих целыми странами, до мелких людей, составляющих десятки тысяч, связанных с какими-нибудь должностями в государстве или партийных машинах, — что они поддерживают этот строй изо дня в день, всякими ухищрениями пытаюсь продлить его существование. Их задача — продлить благоприятное для них положение, задерживая приход свободного общества, где им также — подумайте только! — может быть пришлось бы работать. Таким образом, все покоится на плечах всех прогрессивных людей и в особенности анархистов, которые черпают свое нравственное право в том, что они были и желают быть наиболее ценными представителями прогресса. Из всех социалистов только они не стремятся навязать какой бы то ни было строй, они хотят только расчистить дорогу от всех препятствий для прогресса: от власти и невежества, привилегии и монополии, от господства жадности и покорности ей, — а тогда прогресс, свободное человечество, сами позаботятся о себе и создадут формы социальной жизни, которую мы можем предвидеть скорее в мечтах и догадках, чем путем планов и расчетов. Эти планы мы можем с пользой обсуждать и улучшать индивидуально или коллективно, но мы не претендуем навязывать их человечеству в качестве единственно возможных решений и непогрешимых программ.

Было бы также большой ошибкой, по моему мнению, если бы дружественные отношения между анархистами и синдикалистами разных стран привели некоторых товарищей к вере в то, что они могут безопасно слить полностью свое дело с делом синдикализма. Базис этих двух группировок различен, и при нынешнем положении вещей синдикализм поглотит любое число анархистов, которые дадут себя поглотить, но он ничего не дает взамен этого.

бодомыслящие люди стоят в стороне в эти годы, но они не ушли и не вымерли — они только предоставляют ретроgrадам показать себя на деле и исчезнуть. Мы надеемся, что на этом и закончится парад ретроgrадов, хотя они могут еще причинить много вреда, прежде чем исчезнуть.

Анархизм играет важную роль, славную роль в подобные времена, если только он твердо стоит за свое и всего человечества великое дело. Не анархизм, изложенный в программах, в платформах, в брошюрах, в банальных статьях и речах, а предчувствие более широкого и глубокого грядущего анархизма. Этот анархизм, устами Годвина, предостерег Французскую Революцию от принятия ею авторитарного характера и направления. Он снова послал предостережение революции 1848 года устами Прудона, предупреждая ее не превращаться в правительство нового образца. Тот же анархизм, устами Бакунина, предостерегал Интернационал 1864 года от превращения составлявших его групп и партий в фракции, растерявшие свой социализм из-за авторитарной жадности к политической власти. Вследствие несчастного стечения обстоятельств, такие предостережения слабых голосов всегда оставались без внимания, вплоть до военной катастрофы 1914 года. Эти голоса слишком слабы, почти случайны даже теперь, после семнадцати лет всеобщих страданий. В течение этих семнадцати лет даже те, кто менее других пострадал, не имели возможности полностью наслаждаться своим более счастливым положением. Эти голоса должны усилиться и стать постоянными быть выразителями широких и общих воззрений. Все дело социализма находится теперь под защитой таких людей, ибо большевики не заботятся более о социализме, будучи заняты истреблением тех, кто не примыкает к их вере. Политические же социалисты до такой степени увязли в современном строе — от Муссолини,

иногда различить ту или иную особенность его будущих достижений. Никогда не бывает так чтобы какая-нибудь школа художников развивалась, исходя из таких детских несовершенных рисунков, взятых за образец. Точно также нелепо было бы считать, что неизбежные несовершенства большевистского режима должны быть приняты за образцы, что эти образцы следует почитать, как неизменные, что им следует рабски подражать и стремиться пересадить их во все другие страны, как делают «коммунистические партии.» Они делают не только это, они еще борются против всякой другой социалистической концепции во всех странах с тем же самым диким фанатизмом, с каким стоящие у власти большевики материально подавляют все другие течения внутри современной России.

Так поступали христиане в самые мрачные времена, сжигая еретиков, предавая мечу неверных и подчиняя всю Европу слепой покорности, удушая свободу и науку. Можно ли поэтому считать, что ни одна цивилизация ничего не стоит и что единственным образцом для всего мира является примитивный организм нынешней русской экономической жизни, — механизм, который, судя по всему, что мы знаем, обеспечивает лишь скудную жизнь изо дня в день ценою подчинения суровой государственной власти с ее невиданной жестокостью.

Нет, человечество не так бедно и никогда таким убогим не будет. Уже в XIX веке оно достигло той ступени свободного интеллектуального сотрудничества во всем мире, которая не позволит силам фанатизма надолго остановить ход умственного развития. Мы, социалисты, со времени 1917 года на горьком опыте познали, что словесная война социалистических школ между собою в течение предыдущего столетия не закончилась каким-нибудь единым порывом к радостной солидарности в день действительной победы. Наоборот, полемика на бумаге

почти всегда приводила к тому, что преобладавшая партия угрожала более слабой партии вооруженною силою и потом безжалостно подавляла ее силою физической. Большевики использовали своих противников и принудили их к молчанию, которое длится вот уже 14 лет. Мы думали, что Французская Революция, во времена которой одна партия за другой отправлялась своими бывшими членами на гильотину, должна была послужить примером, ибо это послужило только на пользу конечному торжеству диктатуры Бонапарта, для сокрушения которого понадобилось объединение большей половины Европы много лет спустя. Для нас это было и есть предостережение, — для большевиков же это было и есть образец. Здесь они стоят в стороне от всего мирового социализма. Если их господство затянется, как затянулось господство Наполеона, то это было бы бедствием и подрывом, а не спасением общества. Каждый знает теперь, что авторитарный социализм на деле означает абсолютную тиранию, как Бакунин столько раз заявлял в лицо Марксу, но чему верить всегда отказывались в массе своей социалисты.

Эти факты прокладывают дорогу для прогресса всех подлинно свободных форм социализма. Социализм без свободы столь же невыносим, как лавка, набитая всеми произведениями земли, но с закрытыми окнами, без воздуха, где людям невозможно было бы жить. Окна для воздуха и свободы должны быть широко открыты в социалистическом обществе, — таково теперь убеждение здоровой и здравомыслящей части человечества. Голоса этой части человечества часто заглушаются истерическими криками отчаявшихся людей, стоящих накануне потери разума и способности жить. Такие люди начинают призывать тирана-диктатора, подобно тому, как обезумевший человек хватается топор и сокрушает все вокруг. В

этих бедных жертвах говорят века авторитарного воспитания. Они представляют собой власть, потерявшую разум. В странах, стоящих накануне полного крушения в Европе, такие люди бросаются от коммунизма к национализму, к фашизму, туда и сюда, подобно моли, летающей от свечи к свече, пока она не обжигает себе крыльев. Это просто безумие, индивидуальное и коллективное.

Все это должно научить нас терпеливо относиться к человечеству, из рядов которого в годы успешной пропаганды так много лучших людей пришли к социалистам и анархистам.

Они заставили нас поверить и, до некоторой степени, надеяться, что почти все остальные люди подобны им и что, следовательно, путем усиления пропаганды с течением времени можно было бы привлечь в наши ряды очень значительную часть населения. Мы упустили из виду тот факт, что число таких новообращенных подлинных социалистов очень ограничено и что только путем постоянного ослабления своего социалистического характера социал-демократические и рабочие партии и крупные рабочие организации могут побуждать миллионы голосовать за себя или получать членские карточки больших профсоюзов.

Теперь, когда все неприятное и катастрофическое, ежедневно происходящее после 1914 года, оказало влияние на повседневную жизнь каждого в Европе и очень многих в Америке, а также на других континентах, теперь в движение пришли глубочайшие массы. Ретрограды выступают на передний план так же, как и прогрессисты, и мы только теперь можем измерить сумму атавистической авторитарности, невежества, зверства, которые жили и живут среди нас в каждой стране. Это шествие отсталых в конечном счете может однако, по моему мнению, только показать неподготовленность и бесплодность их. Сво-